

УДК 94(47).084.3

Тарасова Ю.А., кандидат исторических наук, Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета (Россия)

Моисеева Т.А., кандидат исторических наук, Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета (Россия)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СЫЗРАНСКОМ УЕЗДЕ НАКАНУНЕ ГОЛОДА В ПОВОЛЖЬЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Статья посвящена детальному анализу повседневности провинциального советского города накануне и в первый год голода в Поволжье 20-х гг. XX века. Изучение проблем этого бедствия позволяет раскрыть сущностные характеристики сложного, неоднозначного отношения власти к крестьянству и интеллигенции, раскрыть особенности социально-экономических процессов происходивших в регионе в данный период и в ходе реализации Новой экономической политики на начальном этапе. В работе выделяются и описываются характерные особенности стратегии сопротивления сельского и городского населения насильственному изъятию продовольствия и привлечению к труду. На основе изучения вопроса о степени понимания руководством на местах последствий засухи и неурожая для Сызранского уезда и Поволжья в целом установлено, что недооценка сложившейся ситуации стала одной из предпосылок страшнейшего народного бедствия. Обосновывается мысль о том, что действия местных властей по преодолению голода, такие как трудовая миграция, экспедиция для товарообмена в не пострадавшие губернии, различные формы сбора средств для голодающих не всегда были эффективны и подчас демонстрировали весьма скромные результаты данных мероприятий. Это отразилось не только на масштабах трагедии в регионе, но и стало причиной колоссального количества жертв.

Ключевые слова: продрозверстка, продналог, труддезертирство, посевная кампания, Новая экономическая политика, голод в Поволжье.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-01-106-112

Обращение к страницам истории голода в Поволжье, в частности, на примере Сызранского уезда, дает возможность дополнить неизвестными ранее деталями одну из наиболее дискуссионных тем в истории России, что способствует формированию объективной картины трагедии не только по всей стране, но и в рамках отдельного региона.

Несмотря на то, что в общей оценке значения голодной катастрофы в молодом Советском государстве у историков имеют место большие расхождения, все же прослеживаются три основные точки зрения: пробольшевистская, антибольшевистская и научно-объективистская.

Хотелось бы остановиться на работе И.Б. Орлова, который рассмотрел проблему голода в Поволжье по-новому, поставив на первое место не причины бедствия (хотя их он тоже не обошел), а стратегии выживании голодающего населения и социальные результаты голода в процессе становления договора населения с новой властью [4, с. 67]. Исследователь подчеркивал необходимость обращения к повседневности, как к единственному способу изучения и понимания мотивов поведения наших предков, духа эпохи.

Нужно отметить, что факты, изложенные Орловым, интерпретируются некоторыми популяризаторами вне контекста, что вводит в заблуждение относительно истинных выводов автора. Например, П. Пряников в статье «Голод в Поволжье 1921-1922 гг. и «человеческий фактор»» на основе материалов, собранных Орловым, заключает, что в возникновении голода (в интерпретации Пряникова – только хлебного или зернового голода) во многом виноваты сами крестьяне, пускавшие зерно на выгон самогона, чтобы скрыть излишки от продотрядов [5]. Данный взгляд представляется крайне узким и не соответствующим ни исторической действительности, ни позиции исследователя, собравшего оригинальный материал.

В данной работе мы не будем останавливаться на подробном анализе монографии И.Б. Орлова, но с благодарностью отметим дискуссионность поднятых им вопросов, обоснование важности изучения повседневности, особенно в периоды наиболее критичные для существования общества и государства в целом.

Источниковую базу исследования составили опубликованные сборники материалов, ранее не исследованные документы

Сызранского филиала Самарского государственного архива, воспоминания современников и непосредственных участников событий. Основой послужили материалы газеты «Сызранский коммунар» за 1921 г. Печатное издание, выходящее практически ежедневно, являлось рупором местных властей, и анализ публикаций дает представление об основных событиях местной городской жизни, их хронику или летопись. Комплекс источников дополняется опубликованными в сборнике «Голод в Средневолжском крае» документами и неопубликованными из фонда Уездного исполнительного комитета РКП(б) в Сызранском уезде, и другими материалами.

Методологической основой для написания работы явился конкретно-исторический подход, базирующийся на принципе системности. Отбор, классификация и анализ источников в комплексе позволили выйти на уровень общетеоретических обобщений.

Поволжье всегда считалось территорией риска в отношении сельскохозяйственного производства и недород 1921 г. был предсказуемым явлением. Об этом писала современница событий Е. Дробкина: «... лето 1920 г. в Поволжье выдалось на редкость засушливым, а весна следующего года наступила настолько рано, что не было сомнений в приближающейся засухе и в связи с ней – в недороде» [2, с. 135].

О том, что неурожай ждали и в Сызранском уезде свидетельствуют материалы местной прессы. Весна в 1921 г. была очень ранней. В апреле средняя температура вместо 4 градусов была выше 17, а в мае – вместо 14 больше 25 градусов. В газете Сызранский коммунар писали: «Торопитесь с посевом! Весна не идет, а скачет... Успех посева зависит от того, посеет ли мы во время, или опоздаем...» [9].

Газета многократно и на разные лады призывает крестьян сеять как можно раньше и не гонять скотину по пашне:

«Погоняешь скотину по парам – потеряешь 20-30 пудов хлеба. Не лучше ли приискать корма в другом месте? Как это сделать – спроси у агронома» (15 апреля);

«Если не случится дождя, то сеять по позднему пару все равно, что бросать семена на ветер. Ранний пар и без дождя сохранит свою влажность и рыхлость» (15 апреля);

«Не паси скотину по парам – корму мало, а вреда много» (16 апреля).

«Апрельский взмет сам-десять даст. Парь пар в мае – будешь с урожаем, а поздний пар – пустой амбар» (17 апреля);

«Утолченное поле – скоту мука, людям – горе», «Чем раньше поднять пар – тем выше урожай» (17 апреля) [10,11].

В связи с этим, особой и выдающейся должна была стать и посевная кампания. А условия ее проведения не сулили успеха. «Сызранский коммунар» в выпуске от 3 апреля опубликовал статистику изменения в классовом составе крестьянства. По данным газеты, «число крупных крестьянских хозяйств по сводке, обнимавшей 26 губерний, сократилось с 6 до 1 ½ %» [8].

Сократилось также число средних хозяйств (с 68,6 до 59, 5 %). А число безпосевных хозяйств сократилось с 11,4 до 6,5 %. Количество мелких хозяйств возросло с 20 до 32,5 %. В 1919 г. количество безлошадных хозяйств сократилось с 28 до 25 % за счет наделения лошадьми безлошадных, а вот количество крупных хозяйств в 4 лошадыми и более сократилось с 1,9 до 0,7 %.

Автор обзора с удовольствием констатировал, что наделение безлошадных лошадьми (за счет раздела крупных хозяйств!) вело к нивелировке, уменьшению классовых трений. Но оно вряд ли могло привести к повышению эффективности запашки, поскольку развал крупных хозяйств не только нарушал производственный цикл по всей стране, но и вызывал острое недовольство советской властью основных производителей – крестьян крупной и средней руки.

Еще большее недоверие вызывала политика власти по изъятию продовольствия. По данным о выполнении разверсток на 30 ноября 1920 г. Сызранский уезд предоставил: «Хлебных продуктов – 1082241 пуд, крупного рогатого скота – 2179 голов, мелкого скота-25641 голов, битой птицы -939 пудов 13 фунтов, живой птицы – 980 голов...» При этом волости Сызранского уезда делились на упорствующие (сдавшие от 15 до 33 процентов) и продуктивные (от 95 до 100 %).

До 1921 г. Сызранский уезд не выполнил продразверстку полностью ни разу, хотя у власти были достаточно действенные способы понуждения к повиновению, такие,

например, как Сызранский концентрационный лагерь принудительных работ. Значительная часть заключенных уездного концентрационного лагеря, расположенного в Сызрани, получила срок за невыполнение, уклонение от продразверстки, кражу семян или пшеницы с чужого гумна [21].

Интересен случай агронома Даниила В., заключенного в концентрационный лагерь по обвинению в агитации против Советской власти, но обязанного отбыть свой срок принудительных работ по месту постоянной работы – в Гублеском Аскульского участка [22, Л.4–6.]. Накануне голода квалифицированные агрономы были ценным ресурсом.

Еще одним крайне распространенным преступлением, ответственность за которое предусматривала заключение в концентрационный лагерь, было самогоноварение. Сызранский уезд в данном случае был не исключением, а скорее подтверждением правила. Так поступали крестьяне многих голодавших губерний, что стало основанием для высказываний о том, что «крестьяне сами себя высекли», спровоцировав голод. На наш взгляд, более взвешенной является позиция И.Б. Орлова, рассматривающего такое поведение как иррациональное, но зачастую, единственно возможное пассивное сопротивление крестьянства насилию власти.

Интересно, что самогон варили не только крестьяне. 25 марта Сызранский коммунар сообщал о задержании почтальона Казанской дороги и его приятеля мертвецки пьяными. Они выдали самогонщика – сцепщика вагонов Васильева. Газета добавляла, что коммунистические патрули неоднократно задерживали пьяных милиционеров, а в целом, в Сызрани «изготовление самогонки и пьянство достигло колоссальных размеров» [7].

О том, как относились местные власти к крестьянству в Сызранском уезде, говорит характерный пример. Во время проведения заседаний продовольственной комиссии Сызранского исполкома весной 1921 г. председатель Рейн высказывался за проведение повторной, внутренней продразверстки для пополнения семенного фонда уезда, так мотивируя свою позицию: «иногда крестьяне проливают «крокодиловы слезы», жалуются на отсутствие хлеба. Но учитывая

крестьянскую психологию, уверенно скажу, что хлеб у крестьян все-таки есть» [21, Л.23.].

Возражения представителей Упродкома, тов. Леваева и тов. Ахматова о том, что внутренняя разверстка будет бесполезной в связи с ничтожностью урожая этого года, были восприняты критически. Однако, в докладе представителя Упосевкома тов. Каргина были озвучены точные цифры, говорящие о недостаточности запасов зерна для реализации посевной кампании. По оценке Упосевкома, недосев в текущем году должен был составить около 50 процентов ввиду отсутствия семян, недостаточности живого инвентаря и изношенности мертвого [21, Л.36.].

Достаточно сложным было и положение интеллигенции, первых советских служащих, которые сильно зависели от представителей власти, получая за свой труд паек. Более того, дисциплинарная ответственность существовала и в виде заключения в концентрационный лагерь принудительных работ. 1 апреля Сызранский коммунар сообщал, что «В ознаменование недели профдвижения Сызранский Укомтруд издал приказ об освобождении из концентрационного лагеря всех членов профсоюзов, подвергшихся наказанию за проступки по службе и трудедесертирство» [7]. Основной причиной такого освобождения являлась необходимость использовать все трудовые ресурсы на предстоящей посевной кампании.

Можно с уверенностью сказать, что участие в этой кампании служащих, комсомольцев, армии не могло привести в результатам, хоть сколько-нибудь сопоставимым с результатами труда основными производителями – крестьян. Однако по данным Укомтруда к весне 1921 г. объем крестьянской запашки сократился вдвое по сравнению с 1919 г.

Политика большевиков в отношении крестьянства в Сызранском уезде ничем не отличалась от общей по стране. К врагам нового строя была отнесена зажиточная часть крестьянства, имеющая наилучшее представление о ведении сельских работ. Введение продналога весной 1921 г. не могло в значительной степени и быстро изменить сложившиеся отношения между представителями советской власти и крестьянством в Сызранском уезде.

С одной стороны, со своих страниц

«Сызранский коммунар» призывал крестьянство поверить в то, что налог – «дело верное», «среднеазиатский закон» [9]. А с другой, предостерегал партийных работников: «Тот, кто видит в новом отношении к крестьянству и вообще, к мелкобуржуазному элементу «пуп земли», верх совершенства – тот сам мещанин самого дурного пошиба» [10]. В этих условиях нельзя было надеяться на совместные действия власти и крестьянства по предотвращению и преодолению голода.

Об угрозе голода со страниц газеты было заявлено впервые 2 июля 1921 г., а 16 июля наступление неурожая и возможность голода констатировалась для 14 губерний. В результате, на своем пике, голод в Поволжье 1921–1922 гг., охватил 35 губерний (Поволжье, Южную Украину, Крым, Башкирию, Казахстан, частично Приуралье и Западную Сибирь) с общим населением в 90 миллионов человек, из которых голодало не менее 40 миллионов [1, С. 21].

Основным вопросом помощи стало предоставление семенного фонда для засева озимых. Как сообщает газета, при распределении озимых семян по губернии на Сызранский уезд было выделено 210 000 пудов. 63 вагона семян сразу пригнали на станцию Сызрань, остальное привозили по мере возможного, так как транспорт не был еще налажен [13].

К 25 августа в голодающие губернии было отправлено 4100000 пудов семенной ржи, что составляет около 45% общего наряда. Заготовка семян для Поволжья дала 5 миллионов пудов.

Семенная ссуда Поволжью была повышена. Количество семенного зерна, отпускаемого неурожайным губерниям из продналога, постановлением Комиссии Помощи голодающим при ВЦИК было увеличено до 1,5 миллиона пудов. Таким образом, общее количество семян предоставленных государством из внутренних запасов достигало 10800000 пудов.

Однако, по оценке специалистов, даже с этой ссудой, из-за плохого урожая яровых, на душу населения приходилось 4 сентября 1,84 пуда хлеба нового урожая. Население на таком пайке могло протянуть только до ноября-месяца [1, с. 82].

«Сызранский коммунар» размещал

публикации, которые должны были дать людям надежду. Например, в статье от 4 сентября описывался опыт самопомощи. В Алтайском уезде Симбирской губернии в деревне Засорье, где при наличии 107 едоков и 20 человек рабочих рук, крестьянам удалось из 210 десятин засева искусственно оросить площадь в 100 десятин путем постройки трех плотин возле прочного пруда. Плотины были воздвигнуты в течении двух недель, в то время, когда овес уже покраснел. Пустили воду по межам и все ожило, рожь снимали по 100 пудов с десятины, между тем, как рядом, куда не достигало орошение, ржи приходилось по 3 пуда на десятину. Все это достигнуто личной инициативой крестьян [16].

Была проведена профсоюзная экспедиция в Тюмень для обмена товаров на хлеб. Однако, как сообщала городская газета, она оказалась безрезультатной, так как цены на зерно возросли, а на товары сильно упали. Делегация просто не нашла желающих совершить такой обмен [12].

Как писал «Сызранский коммунар», вступил в действие великий закон пролетарской солидарности: рабочие отчисляли однодневный и двухдневный заработок, по фабрикам и заводам, рабочим поселкам и рабочим районам проводились сборы продуктов, вещей, денег для отправки голодающим.

В Корсунском уезде работали крестьянские комитеты взаимопомощи. Троицко-Куроедовский комитет совместно с ячейкой РКП и культпросветом, поставили 2 спектакля в пользу голодающего населения. Были оборудованы помещения для общественного питания. В Кашпирской волости открыли 7 столовых, 4 из которых в школах, 3 для престарелых и безродных сирот.

Люди с призывом о помощи голодающим, ездили по губерниям. Так же происходило массовое переселение крестьян из голодающих губерний. Проводилась эвакуация голодающих разных категорий рабочих Сызранским Укомтрудом. Эвакуация продвигалась медленно, так как главным тормозом в отправке был плохо налаженный транспорт.

В целом, вместо затребованных 110377 семейных рабочих и 344 одиноких было отправлено 2004 семейных рабочих и 788 одиноких.

Эвакуация рабочих Сызранского уезда в связи с голодом

Пункт назначения	Затребовано отрядов	Отправлено	Не выполнено
Новониколаевск	5976 сем. раб.	1 647 сем. раб. 60 один.	4324 сем. раб.
Москва	1300 сем. раб.	511 сем. раб. 430 один.	743 сем. раб.
Баку	810 сем. раб.	537 сем. раб. 41 один.	232 сем. раб.
Астрахань	528 сем. раб.	104 один.	422 сем. раб.
Петроград	1765 сем. раб.	209 сем. раб. 7 один.	1549 сем. раб.
Грозный	87 один.	-----	132 один.
Кашир, Тульск	251 один.	14 один.	237 один.
Итого	110377 сем. раб. 344 один.	2004 сем. раб. 788 один.	7507 сем. раб. 369 один.

Желающих уехать в урожайные местности было много. В статье писали: «Полагаем, что отправку голодающих следует поставить на большую ногу, заготовив несколько поездов способных разгрузить голодающую Сызрань от лишних ртов» [17]. Однако реально осуществленная эвакуация значительноступала цифре невыполненной [18].

Произошла широкая огласка голода за рубежом [18]. Общественное признание голода Советской Россией, по существу, было первой формальной просьбой об оказании международной помощи. Участие и помощь оказывала международная благотворительная неправительственная организация – Американская администрация помощи (АРА), которую возглавлял Герберт Гувер – министр торговли США. Деятельность АРА в Сызранском уезде в этот период отражена лишь в отдельных работах, изданных в 90–2000-е гг. в ряде республик Поволжья и в Центре. В них говорится о мотивах помощи американцев народу Советской России, об организации не только продовольственной, но и медицинской помощи [3].

Американская администрация помощи предполагала через Ригу отправлять в

Россию по 20-30 вагонов с продовольствием ежедневно [19]. По подсчетам, на 9 февраля 1922 г. вклад Соединенных Штатов в борьбу с голодом оценивался в 42 млн долларов. Для сравнения, советское правительство потратило всего 12,5 млн долларов [3].

Деятельность АРА в России и в Сызранском уезде, в частности, является отдельным вопросом, требующим исследования, но нужно сказать, что официальное признание голода позволило хоть в какой-то мере сократить его масштабы.

Таким образом, голод 1921-1922 гг. стал глубоким социально-экономическим потрясением, оказавшим существенное влияние на все последующее развитие региона и страны в целом. Он стал одной из причин введения НЭПа, смягчения некоторых «перегибов» первых лет советской власти. Однако, к реальным изменениям в отношении власти к основному производителю – крестьянину, наступившее лихолетье не привело. Действия центральной и местных властей по преодолению последствий неурожая и засухи оказались малоэффективными, хотя и апеллировали к сознанию и человеческим качествам сограждан.

Список литературы

1. Голод в Средневолжском крае в 20-30-е годы XX века. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века Т.1.: Сб. документов. – Самара, 2014. – 514 с.
2. Дрabbкина Е.Я. Зимний перевал. М.: Политиздат, 1987. 279 с., ил.
3. Линькова А.П., Документы Сызранского филиала ЦГА Самарской области о деятельности АРА в Поволжье в 1921–1923 гг., Отечественные архивы. 2009. № 1.
4. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты

становления. М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2010. - 317 с.

5. Пряников, П. Голод в Поволжье 1921–1922 годов и «человеческий фактор» // Свободная Пресса. 2011, 30 января. [Электронный ресурс]. <https://svpressa.ru/blogs/article/37506/> (дата обращения 10.12.2019)

6. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 25 марта .1921.
7. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 1 апреля.1921.
8. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 3 апреля.1921.
9. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 5 апреля.1921.
10. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 15 апреля .1921.
11. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 17 апреля .1921.
12. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 10 июля.1921.
13. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 12 августа.1921.
14. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 24 августа .1921.
15. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 28 августа.1921.
16. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 4 сентября .1921.
17. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 9 сентября .1921.
18. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 14 сентября .1921.
19. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» НСБ, Сызранский коммунары. 23 декабря .1921.
20. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» Ф.Р – 9. Оп.1. Д.28. Л.2.
21. Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО» Ф.Р 493. Оп.1. Д.22.

SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN SYZRAN DISTRICT ON THE EVE OF FAMINE IN THE VOLGA REGION IN THE EARLY 1920s

The article is devoted to a detailed analysis of the everyday life of a provincial Soviet city on the eve and in the first year of famine in the Volga Region of the 20th century. The study of the problems of this disaster can reveal the essential characteristics of a complex, ambiguous relationship of the authorities to the peasantry and the intelligentsia, to reveal features of the socio-economic processes taking place in the region during this period and during the implementation of the New Economic Policy at the initial stage. The paper highlights and describes the characteristic features of the strategy of resistance of rural and urban population to forcible withdrawal of food and attraction to labor. The authors study the measure of understanding the consequences of drought and crop failure for Syzran County and the Volga region as a whole of the local leadership. It was found that the underestimation of the situation has become one of the prerequisites of the worst national disaster. The authors substantiate the idea that the actions of local authorities to overcome hunger, such as labor migration, an expedition for commodity exchange in the uninjured provinces, various forms of fundraising for the hungry were not always effective and sometimes showed very modest results of these activities.

This was reflected not only in the scale of the tragedy in the region, but also caused a huge number of victims.

Keywords: the surplus, the tax in kind, labor escaping, the sowing campaign, the New Economic Policy, famine in the Volga Region.

References

1. Famine in the middle Volga region in the 20-30s of the twentieth century. Famine in the Samara province in the 20 - ies of the XX century Vol. 1.: Sat. documents. - Samara, 2014. - 514 p.
2. Drabkina E. ya. Winter pass. Moscow: Politizdat, 1987. 279 p., II.
3. Linkova A. P., Documents of Syzran branch of CGA of Samara region about activity of ARA in the Volga region in 1921-1923, Domestic archives. 2009. No. 1.
4. Orlov I. B. Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation. Moscow: Publishing house of the State University-Higher school of Economics, 2010. - 317 p.
5. January 2011, 30. [Electronic resource]. <https://svpressa.ru/blogs/article/37506/> (date of appeal 10.12.2019)
6. Syzran branch of GBUSO OF "TSGASO" NSB Syzransky Kommunar. March 25 .1921.
7. Syzran branch of GBUSO OF "TSGASO" NSB Syzransky Kommunar. April 1.1921.
8. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. April 3.1921.
9. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. April 5.1921.
10. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. April 15 .1921.

11. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. April 17 .1921.
12. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. July 10.1921.
13. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. August 12.1921.
14. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. August 24 .1921.
15. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. August 28.1921.
16. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. September 4 .1921.
17. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. September 9 .1921.
18. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. September 14 .1921.
19. Syzran branch of GBUSO OF «TSGASO» NSB Syzransky Kommunar. December 23 .1921.
20. Syzran branch of GBUSO OF "TSGASO". F. R – 9. Op.1. D. 28. L. 2.
21. Syzran branch of GBUSO OF "TSGASO" F. R 493. Op.1. D. 22.

Об авторах

Тарасова Юлия Анатольевна – кандидат исторически наук, доцент кафедры права, Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета (Россия), e-mail: sangria80@yandex.ru.

Моисеева Татьяна Алексеевна – кандидат исторически наук, старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин, Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета (Россия), e-mail: t-nekst@mail.ru

Tarasova Yulyia Anatoliyevna – candidate of History, associate Professor of the Department of law, Syzran branch of Samara State University of Economics (Russia), e-mail: sangria80@yandex.ru.

Moiseeva Tatyana Alekseevna – candidate of History, senior lecturer of the Department of social and economic disciplines, Syzran branch of Samara State University of Economics (Russia), e-mail: t-nekst@mail.ru